

ФЕДОР
ДОСТОЕВСКИЙ

Дневник писателя

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Д70

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использована репродукция портрета
Ф. М. Достоевского работы художника *В. Г. Перова*

Достоевский, Федор Михайлович.

Д70 Дневник писателя / Федор Достоевский. — Москва :
Эксмо, 2024. — 672 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-173143-4

Ф. М. Достоевский живо откликнулся на все значительные события, происходящие в современном ему мире, в своем «Дневнике писателя», обсуждая самые разные темы: от глубоких философских и нравственных до анализа внешней политики разных стран. «Дневник писателя» актуален и интересен и в наше время благодаря удивительной проницательности автора, обнажающего суть явлений.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-173143-4 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

«ОТЧЕТ О ВИДЕННОМ, СЛЫШАННОМ И ПРОЧИТАННОМ»

Литературная деятельность Достоевского была сопряжена с «тоской по текущему», другими словами, с глубоким интересом к современным событиям, характерным явлениям, выразительным деталям окружавшей его действительности. Наблюдая за всеми оттенками развития «живой жизни», он с неослабным вниманием следил за отражением ее проявлений в русской и иностранной периодике. По признанию очевидцев, писатель ежедневно просматривал газеты и журналы «до последней литеры», стремясь уловить в богатом многообразии значительных и мелких фактов их внутреннее единство, социально-психологические основания, духовно-нравственную суть, философско-исторический смысл.

Такая потребность диктовалась не только своеобразием романистики Достоевского, в которой органично сплелись вечные темы и злободневные проблемы, мировые вопросы и узнаваемые детали быта, высокая художественность и острая публицистичность. Писатель всегда испытывал страстное желание говорить напрямую с читателем, непосредственно влиять на ход социального развития, вносить незамедлительный вклад в улучшение отношений между людьми. Еще в издаваемых им совместно с братом в 1860-х годах журналах «Время» и «Эпоха» печатались его отдельные художественно-публицистические очерки и фельетоны.

Однако Достоевский намеревался выпускать сначала единый журнал «Записная книга», а затем — «нечто вроде газеты». Эти замыслы частично осуществились в

1873 году, когда в редактируемом им в это время журнале князя В. П. Мещерского «Гражданин» стали печататься первые главы «Дневника писателя». Но заданные рамки еженедельника и зависимость от издателя в какой-то степени ограничивали как тематическую направленность статей Достоевского, так и их идейное содержание. И вполне естественно, что он стремился к большей свободе в освещении «бездны тем», волновавших его, к раскованной беседе с читателями прямо от своего лица, не прибегая к услугам редакционных и издательских посредников.

С 1876 по 1881 год (с двухлетним перерывом, занятым работой над «Братьями Карамазовыми») Достоевский выпускал «Дневник писателя» уже как самостоятельное издание, выходившее, как правило, раз в месяц отдельными номерами, объемом от полутора до двух листов (по шестнадцать страниц в листе) каждый. В предуведомляющем объявлении, появившемся в петербургских газетах, он разъяснял: «Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчет о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчет о виденном, слышанном и прочитанном».

И в самом деле, на его страницах автор заводит пристрастный разговор, перемежающийся с личными воспоминаниями, о разных вещах и внешне вроде бы совсем не соприкасающихся сферах — о внешней и внутренней политике, аграрных отношениях и земельной собственности, развитии промышленности и торговли, научных открытиях и военных действиях. Внимание писателя привлекают железнодорожные катастрофы, судебные процессы, увлечение интеллигенции спиритизмом, распространение самоубийств среди молодежи. Его беспокоит распад семейных связей, разрыв между различными условиями, торжество «золотого мешка», эпидемия пьянства, искажение русского языка и многие другие болезненные вопросы. Перед читателем открывается широчайшая историческая панорама пореформенной России: именитые сановники и неукорененные мещане, разорившиеся помещики и преуспевающие юристы, консерваторы и либералы, бывшие петрашевцы и народившиеся анархисты,

смиранные крестьяне и самодовольные буржуа. Читатель знакомится и с необычными суждениями автора о личности и творчестве Пушкина, Некрасова, Толстого...

Однако «Дневник писателя» — не многокрасочная фотография и не калейдоскоп постоянно сменяющих друг друга пестрых фактов и непересекающихся тем. В нем есть свои закономерности, имеющие первостепенное значение. Взять, к примеру, «детскую тему», дающую к тому же наглядное представление о стиле и методах публицистической работы автора. Присутствуя на рождественской елке в клубе художников, Достоевский внимательно всматривается в лица и манеры, изучает психологию мальчиков и девочек разного возраста. Но его наиконкретнейшие наблюдения тотчас же вырастают до пронизательных размышлений об облегченной педагогике, «обжорливой младости», «праве на бесчестье». Одновременно он не может не сравнивать поведение так называемых благополучных подростков с судьбами их обездоленных сверстников, живущих среди пьянства и разврата, гибнущих от голода и лишений. Писатель посещает воспитательный дом, колонию малолетних преступников, просиживает целыми днями на судебных заседаниях, где защищают интересы детей. Его страстные, психологически и нравственно обоснованные выступления в защиту их интересов не только помогают иной раз вынести более справедливый приговор, как в случае с молодой беременной женщиной, в состоянии аффекта столкнувшейся с четвертого этажа шестилетнюю падчерицу, но и подвигают к раздумьям о взаимоотношениях «отцов» и «детей», об ответственности общества за воспитание подрастающего поколения, от которого зависит будущее России.

Это характерное для каждой страницы «Дневника» столкновение личного и социального, конкретного и общего можно пронаблюдать — по тематическому контрасту — и в совсем иной области авторских рассуждений, рассуждений о внешней политике: о неприемлемости усиления милитаризма бисмарковской Германии, о коварстве правительственных действий Англии и Австрии и, в первую очередь, о необходимости деятельной помо-

щи России угнетенным славянам. В 1875—1876 годах Герцеговина и Босния, а затем Болгария и Сербия восстали против турецкого ига. Государственные власти, испытывая давление европейской дипломатии, поначалу не решались выступить открыто на стороне восставших. В обществе же разрасталось добровольческое движение, в котором приняли участие представители всех сословий. Большую роль в этом движении играл славянский благотворительный комитет, организованный для помощи братским народам. Его членом был и Достоевский, неустанно призывавший со страниц «Дневника» к активной поддержке национально-освободительной борьбы славян и последовательно освещавший ее развитие. С точностью военных сводок он сообщает о ходе боевых операций, со знанием дела обсуждает замыслы европейских правительств или насущные проблемы тактики и вооружения, с глубокой болью рассказывает о мучительных страданиях болгар, особенно женщин и детей, с сердечной гордостью повествует о героизме и благородстве добровольцев, о жертвованиях русского народа в пользу угнетенных славян. Вместе с тем готовность к бескорыстной помощи, объединявшей людей поверх социальных барьеров и сословных границ и укреплявшей их души сознанием самопожертвования, наводила Достоевского на размышления о том, что Россия в будущем сможет сказать миру «великое слово», способное служить «заветом общечеловеческого единения, и уже не в духе личного эгоизма, которым люди и нации искусственно и неестественно единятся теперь в своей цивилизации, из борьбы за существование, положительной наукой определяя свободному духу нравственные границы, в то же время роя друг другу ямы, произнося друг на друга ложь, хулу и клевету». Осмысливая конкретные факты участия России в освободительной войне на Балканах, писатель приходит ко все более обобщающим выводам: «Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут».

И о чем бы ни заводил речь автор «Дневника» — будь

то общество покровительства животным или литературные типы, замученный солдат или добрая няня, кукольное поведение дипломатов или игривые манеры адвокатов, кровавая реальность террористических действий или утопические мечтания о «золотом веке», — его мысль всегда обогащает текущие факты глубинными ассоциациями и аналогиями, включает их в главные направления развития культуры и цивилизации, истории и идеологии, общественных противоречий и идейных разногласий. Причем при освещении столь разнородных тем на предельно конкретном и одновременно общечеловеческом уровне Достоевский органично соединял различные стили и жанры, строгую логику и художественные образы, «наивную обнаженность иной мысли» и конкретные диалогические построения, что позволяло передать всю сложность и неоднородность рассматриваемой проблематики. В самой же этой проблематике он стремился определить ее этическую сущность, а также «отыскать и указать, по возможности, нашу национальную и народную точку зрения». По мнению Достоевского, всякое явление современной действительности должно рассматриваться сквозь призму опыта прошлого, не переставшего оказывать свое воздействие на настоящее через те или иные традиции. И чем значительнее национальное, историческое и общечеловеческое понимание злободневных текущих задач, тем убедительнее их сегодняшнее решение.

Такая работа, кажущаяся непосильной в наше время и целой редакции, полностью захватывала Достоевского и требовала от него огромного напряжения физических и духовных сил. Ведь ему одному необходимо было собирать материал, тщательно готовить его, составлять, уточнять, успеть издать его в срок, уложившись в заданный объем. Чрезвычайная добросовестность заставляла Достоевского по нескольку раз переписывать черновики, самого рассчитывать количество печатных строк и страниц. Боясь за судьбу рукописей, он сдавал их в типографию лично или передавал через жену, незаменимую помощницу, которая активно участвовала в подготовке «Дневника писателя» и в его распространении. После каждого

выпуска Достоевский, по свидетельству очевидца, «несколько дней отдыхал душою и телом... наслаждаясь успехом...».

А успех действительно был огромным. Интерес читающей публики к столь оригинальному изданию с каждым выпуском все возрастал. Тираж «Дневника», расходившегося по подписке и в розничной продаже, постепенно увеличился до шести тысяч экземпляров. К голосу автора «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов», авторитетного писателя, находившегося в расцвете своей духовной мощи и таланта, прислушивались представители разных слоев мыслящего русского общества. Его выступления, будившие в согражданах чувства совести, чести и справедливости, воспринимались как учительное и пророческое слово.

В адрес Достоевского стала поступать читательская почта. «К концу первого года издания «Дневника», — вспоминает метранпаж М. А. Александров, — между Федором Михайловичем и его читателями возникло, а во втором году достигло больших размеров общение, беспримерное у нас на Руси: его засыпали письмами и визитами с изъявлениями благодарности за доставление прекрасной моральной пищи в виде «Дневника писателя». Некоторые говорили, что они читают его «Дневник» с благоговением, как Священное Писание; на него смотрели одни как на духовного наставника, другие как на оракула и просили его разрешить их сомнения насчет некоторых жгучих вопросов времени».

Многие корреспонденты видели в авторе не только талантливого писателя, но и мудрого человека с чутким и отзывчивым сердцем, способного дать единственно правильный совет, уберечь от непоправимых поступков, обогреть душу. «Я скажу прямо, — писала ему революционерка-народница А. П. Корба, — что я жду от Вас помощи, не имея на то права, разве только право страждущего от боли; а у меня в течение долгих лет наболела душа, и если теперь я решаюсь беспокоить Вас стонами, то потому, что знаю, что лучшего врача не найду». Другая читательница, благодарная заступничеству писателя за незаслу-

женно обиженных детей, признавалась: «Если бы можно было сейчас, сию минуту очутиться возле Вас, с какой радостью я обняла бы Вас, Федор Михайлович, за Ваш февральский «Дневник». Я так славно поплакала над ним и, кончив, пришла в такое праздничное настроение, что спасибо Вам. Мать». А вот еще одно трогательное признание, сделанное подростком: «Для чего я Вам пишу, не знаю, меня тянет как-то безотчетно Вам написать, и бывает всякий раз, как прочитаю Ваш «Дневник», — я чувствую Вас как бы родным, но высказать свои мысли — не умею».

Подобные отклики доставляли Достоевскому глубокое моральное удовлетворение, поддерживали силы в многотрудной работе. Впрочем, отклики были самые разные и содержали, например, просьбы об устройстве на службу, оказании материальной помощи, оценке рукописи начинающего писателя. Очень часто читатели обращали внимание автора на те или иные факты и вступали с ним в серьезный разговор, влиявший на подвижность литературной формы и стиля «Дневника». Достоевский нередко цитирует получаемые письма, анализирует их, соглашается или спорит с высказываемыми мнениями. Оценивая нравственное и творческое значение непосредственного общения с читателями, он замечал: «Писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие себе угодно похвалы в печати. Право, не знаю, чем это объяснить: тут, прямо от читателя, — как бы более правды, как бы более в самом деле».

Что же касается профессиональных отзывов в печати, опосредованных идейными пристрастиями, то и в них, несмотря на имевшиеся разногласия, отдавалась дань гражданской самоотверженности, благородству намерений и проникновенности суждений автора «Дневника». Либеральные, консервативные, народно-демократические органы отмечали «высокую гуманность», «горячую веру в необъятную мощь народа» и «неподдельное сочувствие к его страданиям», «оригинальные, глубокие и светлые мысли» Достоевского. Правда, нередко раздава-

лись голоса, что он, напротив, не знает народа, не понимает молодежи, не уважает дворянства и возводит «абсурдные обвинения» на русское общество. Независимость позиции озадачивала журналистов различных направлений, противоречиво менявших свое отношение к изданию. Внимательно изучая сочувственные и полемические отзывы, Достоевский в следующих выпусках уточнял ту или иную точку зрения, разъяснял свои выстраданные убеждения и таким образом становился едва ли не самым заметным участником идейной жизни России второй половины 70-х годов XIX века.

Однако в конце 1877 года Достоевский был вынужден приостановить печатание «Дневника писателя», чтобы целиком посвятить себя работе над романом «Братья Карамазовы». Намередаясь возобновить публицистическую деятельность с начала 1881 года, Достоевский тем не менее уже в 1880 году издал один выпуск со своей знаменитой пушкинской речью. Она была произнесена по случаю торжественного открытия памятника Пушкину в Москве. Произведения Пушкина были для автора «Братьев Карамазовых» предметом постоянных творческих раздумий. В героях этих произведений Достоевский видел не просто персонажей определенного исторического времени, а «колоссальные лица», воплотившие основные коллизии русской действительности XIX века. Особую заслугу поэта Достоевский находил и в том, что Пушкин сумел увидеть «смирненную красоту» русского человека, понять всю ценность народных идеалов и святынь. Достоевский обнаруживает в творчестве Пушкина проявление «всемирной отзывчивости», залог возможного единения интеллигенции и народа, России и Европы, всего человечества.

Огромнейший успех речи на пушкинских торжествах и возникшая вокруг нее полемика свидетельствовали о все более возрастающей и духовно обеспеченной популярности Достоевского, убеждали его в насущной необходимости продолжать, как и задумывалось, издание любимого детища. Но удалось подготовить лишь январский выпуск «Дневника». Уже умирающий писатель все еще волновался за его судьбу и вносил последние поправки в

корректировочные листы. Анна Григорьевна Достоевская вспоминала: «Среди дня стал беспокоиться насчет «Дневника»... пришел метранпаж из типографии Суворина и принес последнюю сводку. Оказалось лишних семь строк, которые надо было выбросить, чтобы весь материал уместился на двух печатных листах. Федор Михайлович затревожился, но я предложила сократить несколько строк на предыдущих страницах, на что муж согласился. Хотя я задержала метранпажа на полчаса, но после двух поправок, прочтенных мною Федору Михайловичу, дело уладилось. Узнав чрез метранпажа, что номер был послан в гранках Н. С. Абазе (цензору. — Б. Т.) и им пропущен, Федор Михайлович значительно успокоился».

Читая «Дневник писателя» сегодня, не перестаешь удивляться, может быть, самому главному в нем — что и через сто лет многие авторские выводы не только жгуче актуальны, но и жизненно необходимы при совестливой, глубокой и по-настоящему реалистической проверке нравственного содержания тех или иных задач и соответствия выбираемых для их осуществления средств. И вряд ли стоит сомневаться, что они еще долго останутся актуальными, хотя действительность сильно меняется и неузнаваемо изменится в будущем.

Думается, тайна неумирающего значения необычной и непривычной для нас публицистики заключается не столько в ее точности и остроте, сколько в мудром проникновении в самую сердцевину рассматриваемых проблем, а также в единстве, которое обнаруживается в предельно разнообразном содержании. Поэтому, очерчивая тематический круг публицистики Достоевского с ее болью и тревогой, чрезвычайно важно выделить в ней руководящие идеи, раскрывающие внутреннюю логику порою невидимой связи несходных фактов, событий, явлений, обнажающие общие корни тех или иных «больных» вопросов жизни и подсказывающие пути их решения.

Публицистика Достоевского дает редкий и выразительный, но, к сожалению, недостаточно усвоенный урок

многостороннего и предугадывающего понимания современной ему действительности. Пожалуй, более чем кто-либо из русских писателей он пристально всматривался в эту действительность, когда в пореформенной России совместились «жизнь разлагающаяся» и «жизнь вновь складывающаяся», когда «все вверх дном на тысячу лет». В одной из статей Достоевский так характеризовал создавшееся положение: «Прежний мир, прежний порядок — очень худой, но все же порядок — отошел безвозвратно. И странное дело: мрачные нравственные стороны прежнего порядка — эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество — не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились; тогда как из хороших нравственных сторон прежнего быта, которые все же были, почти ничего не осталось...»

Новые условия оказались благоприятными для развития буржуазного индивидуалистического сознания, вытеснявшего традиционные духовно-нравственные ценности и способствовавшего разрастанию самозабвенного практицизма деловых людей с их полусознанным внутренним девизом «после меня хоть потоп»: «...материализм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу...»

При столь своеобразном понимании разумности, свободы и высшей цели естественно распадается семья, учащаются самоубийства, процветает пьянство. «...Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают... Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?»

Среди признаков неустойчивого переходного времени Достоевский с горечью наблюдал и отчужденность высших слоев общества и интеллигенции от народа, шаткость вековых убеждений и прекраснодушный гуманизм, идейный крах «старых» и теоретическую узость «новых» людей. Даже в нарождающейся архитектуре с ее огромными и высокими, но обезличенными и обездушенными

зданиями обнаруживается «какая-то безалаберщина, совершенно, впрочем, соответствующая безалаберщине настоящей минуты».

Достоевского чрезвычайно озадачивало, что в эпоху «безалаберщины» и «великих обособлений» возникает «куча вопросов, страшная масса все новых, никогда не бывавших, до сих пор в народе неслыханных». Однако сложность «теперешнего момента» усугублялась в его представлении тем, что «каждый ответ родит еще по три новых вопроса, и пойдет это все crescendo. В результате хаос, но хаос бы еще хорошо: скороспелые решения задач хуже хаоса». Хуже потому, что не вылечивают социальные болезни, а лишь загоняют их вглубь. Не лучше и прямолинейные решения, страдающие воинствующей односторонностью. Как среди «старичков» и консерваторов, так среди «молодых» и либералов, замечает писатель, «народились мрачные тупицы, лбы нахмурились и заострились, — и все прямо и прямо, все в прямой линии и в одну точку».

Будучи принципиальным противником скороспелых и прямолинейных решений, Достоевский тщательно изучал текущие явления в эту «самую смутную, самую неудобную, самую переходную и самую роковую минуту, может быть, из всей истории русского народа» в свете великих идей, мировых вопросов, всего исторического опыта, запечатлевшего основные свойства человеческой природы. Характеризуя собственную публицистическую методологию, он говорил о необходимости давать «отчет о событии: не столько как о новости, сколько о том, что из него (события) останется нам более постоянного, более связанного с общей, с цельной идеей». По его мнению, нельзя «уединять случай» и лишать его «права быть рассмотренным в связи с общим целым». В любой социально значимой деятельности «надо кореннее браться за дело», то есть исследовать генеалогию происходящего в сокровенных глубинах человеческой души. Проницательный ум писателя и был направлен в корни природы человека, скрыто питающие плоды его истории, в нервные узлы, а не периферийные окончания общественных про-

цессов, жизненных зависимостей, интимно-личностных отношений. Это сущностное зрение, в высшей степени свойственное не только его художественным, но и публицистическим произведениям, позволяло лучше понимать, что можно ждать от человека, на что надеяться и чего опасаться в нем.

Достоевский отчетливо видел, как в процессе многовекового движения истории изменялся внешний облик человечества благодаря улучшению материальных условий его существования, что было обусловлено взаимосвязью интеллектуальных свершений и успехов в производстве, науке и технике. Однако в духовно-психологическом ядре человека оставались неискоренимыми властолюбие, зависть, тщеславие и другие эгоистические начала, вносящие дисгармонию в любые социальные отношения.

Достоевский страстно мечтал о такой целостности, когда люди, преодолев корыстолюбивые слабости своей природы, могли бы искренне и простодушно обняться. «Выше этой мысли *обняться* ничего нет», — отмечено им в записных книжках. Без этой высшей цели автор «Дневника писателя» считал человеческое существование недостойным и бессмысленным, но вместе с тем он прекрасно сознавал неимоверные препятствия на пути к ней: «Я всего только хотел бы, чтоб все мы стали немного лучше. Желание самое скромное, но, увы, и самое идеальное».

Стать немного лучше — оказывается такой задачей, которая по идеальности и сложности неизмеримо превышает трудности покорения природы и ее приспособления для увеличения материального комфорта. Более того, выдвигание на первый план физического благополучия — что, по убеждению прямолинейно мыслящих теоретиков, должно создать основания для возвышения и облагораживания жизни — является, по мнению Достоевского, одной из капитальнейших причин многочисленных «недоумений» современной цивилизации и неоднозначно отражается на духовном состоянии человека. Предвидя грядущие гигантские результаты науки в деле преобразования природы, «приручения» вещей, Достоевский спра-

шивал в «Дневнике писателя»: «Что бы тогда случилось с людьми? О, конечно, сперва все бы пришли в восторг. Люди обнимали бы друг друга в упоении, они бросились бы изучать открытия (а это взяло бы время); они вдруг почувствовали бы, так сказать, себя осыпанными счастьем, зарытыми в материальных благах; они, может быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в десять раз скорей, чем теперь по железной дороге; извлекали бы из земли баснословные урожаи, может быть, создали бы химией организмы, и говядины хватило бы по три фунта на человека... — словом, ешь, пей и наслаждайся. «Вот, — закричали бы все филантропы, — теперь, когда человек обеспечен, вот теперь только он проявит себя! Нет уже более материальных лишений, нет более заедающей «среды», бывшей причиною всех пороков, и теперь человек станет прекрасным и праведным! Нет уже более непрерывного труда, чтобы как-нибудь прокормиться, и теперь все займется высшим, глубокими мыслями, всеобщими явлениями. Теперь, теперь только настала высшая жизнь!..

Но вряд ли и на одно поколение людей хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них все украл разом; что исчез человеческий лик и настал скотский образ раба, образ скотины, с тою разницею, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнило бы человечество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои в муках, увидя, что жизнь у них взята за хлеб, за «камни, обращенные в хлебы». Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль не трудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что гнусно жить на даровщинку и что *счастье не в счастье, а лишь в его достижениях*».

Эти мысли заставляют вспомнить многочисленные выступления последнего времени в периодике по вопросам вещизма и потребительства, дискуссии о подлинном и мнимом жизненном успехе и т. п. Рассуждение Достоевского более чем столетней давности по своей сути и

глубине намного опережает размышления некоторых авторов подобных выступлений и участников подобных дискуссий. В этих размышлениях решение встающих проблем сводится иной раз к ускоренному и более справедливому, если так можно выразиться, насыщению материальных потребностей людей, в чем видится порою весьма расплывчатый и никак не определяемый критерий улучшения человеческих отношений.

По многоходовой же логике Достоевского, осыпанность счастьем и зарытость в материальных благах не только не освобождают сознание человека от повседневных забот для духовного совершенствования, не только не делают его прекрасным и праведным, но, напротив, гасят в нем высшую жизнь и устремленность ко всеобщим явлениям, превращают лик человеческий в «скотский образ раба».

Достоевский считал, что полное и скорое утоление потребностей понижает духовную высоту человека, незаметно приковывает его еще сильнее к узкой сфере самоценного умножения чисто внешних форм жизни, обостряющих многосторонность насладительных ощущений и связанных с ними «бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок». Все это, в свою очередь, способствует в виде обратного эффекта развитию «имушественной похоти», нескончаемому наращиванию самих сугубо материальных потребностей, беспрестанно насыщаемых обновляемыми вещами, что делает человека пленником собственных ощущений. По мнению писателя, люди, находясь в плену такого цикла, невольно соглашаются жить как животные, то есть чтобы «есть, пить, спать, устраивать гнезда и выводить детей. О, жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком — еще слишком долго будет привлекать человека на земле...».

В представлении Достоевского подобные «идеалы» далеко не безобидны для нравственного состояния личности и направления исторического развития, поскольку укрепляют в человеке «ожирелый эгоизм», делают его неспособным к жертвенной любви, потворствуют формированию разъединяющего людей гедонистического жизне-

понимания. И тогда «чувство изящного обращается в жажду капризных излишеств и ненормальностей. Страшно развивается сладострастие. Сладострастие родит жестокость и трусость... Жестокость же родит усиленную, слишком трусливую заботу о самообеспечении. Эта трусливая забота о самообеспечении всегда, в долгий мир, под конец обращается в какой-то панический страх за себя, сообщается всем слоям общества, родит страшную жажду накопления и приобретения денег. Теряется вера в солидарность людей, в братство их, в помощь общества, провозглашается громко тезис: «Всякий за себя и для себя»... все уединяются и обособляются. Эгоизм умерщвляет великодушие».

Глубокое понимание подобных нетривиальных причинно-следственных связей и непрямолнейных закономерностей общественного развития позволяло Достоевскому еще в зародыше раскрывать нравственную половинчатость различных новоиспеченных идеалов, а точнее идолов, не искореняющих, а лишь иначе направляющих и тем усложняющих извечные пороки людей, приспособляющихся к ним. Таких идолов или «невыясненных идеалов» в системе его размышлений можно назвать еще «несвятыми святынями». «Я ищущу святынь, — писал он, — я люблю их, мое сердце их жаждет, потому что я так создан, что не могу жить без святынь, но все же я хотел бы святынь хоть капельку посвятее, не то стоит ли им поклоняться?»

Под несвятыми святынями в процитированных строках имеется в виду не всегда совпадающая с подлинной формальной справедливостью «юной школы изворотливости ума и засушения сердца» — так называл писатель судебную практику в буржуазно-демократических правовых отношениях, достоинством которых, как он полагал, необходимо отдавать должное, но нельзя их абсолютизировать. Правовой строй в его представлении направлен лишь на регулирование благопристойности внешних отношений между людьми, а не на внутреннее содержание, скрывающееся за этими отношениями. «Хитрый закон требует, чтобы соблюдена была при этом надлежащая уч-

тивность». «Учтив буду, а хлеба не дам», — раскрывал Достоевский идолопоклонничество перед юридическим формализмом, в благопристойной оболочке которого склонность личности к дурным поступкам делается незаметнее, тоньше, изощреннее, что еще более укореняет изначальное слабости человеческой натуры.

В записной книжке писателя есть такие слова: «Дуэль — приняв букву, мы расширили склонность к дурным поступкам». То есть имеется в виду, что внешне благородный кодекс не врачует, а распаляет самолюбие людей и доводит их разделение до убийства. Таких красивых «букв», превращающихся при бездумной фетишизации в «мундирные» идеи, Достоевский находил вокруг себя предостаточно — например, фальшивые лозунги свободы, равенства и братства, ведущие на деле к торжеству посредственности и денежного мешка. Чутье на такие перевертыши, когда за речами о правде скрывается ложь, за претензией на истину и здравый смысл — мошенничество, за стремлением к подвигу — злодейство и т. п., у него было необыкновенное. И он постоянно снимал позолоту с благородных по видимости формулировок, обнажал в них не всегда осознаваемые глубинные мотивы, не входящие в поле зрения «мудрецов чугунных идей» и «исступленной прямолинейности».

Поэтому важное значение в публицистике Достоевского имеет критическое рассмотрение внедряемых в социальное сознание репутаций различного рода деятелей, своеобразии которых заключается не в высоком духовно-нравственном состоянии их души, а в привилегированном социальном положении, в достижениях ума и таланта. Перед условными лучшими людьми, как он их называл, преклоняются как бы по принуждению, в силу их социально-кастового авторитета, который меняет свои формы при перестройке конкретно-исторических обстоятельств. Писатель и наблюдал как раз одну из подобных смен, когда от прежних условных людей «как бы удалилось покровительство авторитета, как бы уничтожилась их официальность» (княжеская, боярская, дворянская) и их место занимали профессиональные политики, деятели